

чаще «облекалось в религиозную оболочку» (с. 129).

Особый раздел книги рассказывает о бедственном положении рабочих и учеников в типографиях. Автор делает из этого вполне правомерный вывод, что отношения между рабочими и хозяевами типографий носят уже в первой половине XVI в. не цеховой, а капиталистический характер. Об этом свидетельствуют, по мнению автора, и рост числа необученных работников в типографиях в середине XVI в. Такая категория рабочих присуща капиталистической мануфактуре. Исследуя вопрос о социальном происхождении рабочих-печатников, М. А. Молдавская обращается к анализу договоров об ученичестве и делает вывод, что большинство рабочих-печатников — выходцы из ремесленной и крестьянской среды.

Наиболее удачные разделы работы — это исследование стачечной борьбы рабочих-печатников Лиона и Парижа в 1539—1540-х и 1570-х годов. Здесь автор проводит тщательный анализ источников — как эдиктов королевской власти против забастовщиков, так и документов, созданных самими печатниками. М. А. Молдавская замечает, что документы рабочих-печатников отмечены достаточно высокой степенью классового сознания и отсутствием в их требованиях конфессиональных вопросов (с. 172). Автор приходит к вполне обоснованному выводу о том, что стачка является на самом раннем этапе развития рабочего класса и является характерной формой борьбы рабочих. Исследование

стаечной борьбы дает М. А. Молдавской не только важные доводы для общих заключений о ранних этапах развития французского рабочего класса, но и имеет самостоятельное значение, заполняя пробелы отечественной историографии.

Конкретный анализ в книге М. А. Молдавской строго доказателен. Однако в работе имеются некоторые моменты, не получившие должного обоснования. Во второй главе монографии это касается вопроса, связанного с подсчетом наемных рабочих, занятых в книгопечатании и книготорговле, ибо та средняя цифра, которую автор берет за основу подсчетов, очень слабо аргументирована (с. 132). Другая неясность возникает при объяснении различия в положении отдельных групп работников типографии. Оспаривая мнение Д. Поттинжера об отсутствии различия между наборщиком и печатником, М. А. Молдавская этого различия не показывает (с. 142).

Отдельные недочеты не меняют общей высокой оценки работы М. А. Молдавской. Ее монография вносит много нового и интересного в изучение истории Франции XVI в., в наши представления о ранних этапах формирования рабочего класса и первых формах его борьбы. В книге использован широкий фактический материал. Она легко читается, что способствует ее использованию студентами. Основные выводы работы М. А. Молдавской, конечно, могут быть применены в специальных трудах по истории Франции и по проблемам истории рабочего класса.

В. А. Евсеев

Pistarino G.

CHRISTOFORO COLOMBO: L'ENIGMA DEL CRIPTOGRAMMA.

Genova, 1990. 136 p.

Пистарино Дж.

ХРИСТОФОР КОЛУМБ: ЗАГАДКА КРИПТОГРАММЫ.

Генуя 1990. 136 с.

Колумбиана в преддверии 500-летия открытия Америки пополнилась блистательной книгой, вышедшей из-под пера соотечественника первооткрывателя, видного итальянского историка, профессора Генуэзского университета Джео Пистарино. Не претендуя выступать в роли рецензента этого тончайшего по исследовательской технике и глубочайшего по уровню культурологической интерпретации труда, рискну взять на

себя миссию представить его нашей научной аудитории и высказать частную позицию простого читателя.

Поводом к оригинальному исследованию Пистарино послужили загадочные именные знаки Колумба, которыми он помечал свои бумаги. Эти как-будто бы малозначительные граффити позволили автору подойти к характеристике напряженного и противоречивого внутреннего духовного мира мореплавателя, его пере-

менчивых умонастроений, его интеллектуального горизонта.

К числу неоспоримых достоинств книги надлежит отнести сам путь осмысления колумбовых знаков в контексте эсхатологических и миссионерско-пророческих ожиданий эпохи, в соотношении с самыми разнообразными традициями эзотерического знания. В полной парадоксов и неизреченности личности Колумба находили отклик библейские пророчества о сотворении новых земель, воспоминания о семи печатях Апокалипсиса, предсказания иоакимитов о наступлении седьмого миллениума. И он видел себя новым Христофором, то есть «Носителем Христа», призванным принести Спасителя тем народам, которые сохранят веру в него и исполнят Новый Завет. Он испытал влияние «секретной политики» римских понтификов и «христианнейших королей» Испании, пережил воздействие идеологии крестовых походов. И он представлял себя новым крестоносцем, воином Христа, возложившим на себя обязанность освобождения Иерусалима и Гроба Господня не традиционным путем, оказавшимся бесплодным, а двигаясь в западном направлении до Китая и Индий, и затем оттуда, опираясь на силу и добрую волю преемников пресвитера Иоанна, — до Святых Земель.

И здесь нельзя не согласиться с наблюдением автора об актуализации к концу XV в. библейских пророчеств, толкнувших Колумба к интенсивным профетическим переживаниям. Первооткрывателя Нового Света поразили два места из книги Исайи — одно, явно связанное с указанием на избранничество «голубя», т. е. *colombo* по-итальянски: «Кто это летят, как облака, и как голуби — к голубиным своим? Так, меня ждут острова и впереди их — корабли Фарсисские, чтобы перевезти сынов твоих издалека и с ними серебро их и золото их, во имя Господа Бога твоего и Святого Израилева, потому что он прославил тебя» (Исайя. 60, 9—10), и другое, связанное с осуждением греховного Старого Света, обреченного пасть от Антихриста и творением

Нового: «Ибо вот, я творю новое небо и новую землю, и прежние уже не будут воспомятаемы и не придут на сердце. А вы будете веселиться и радоваться веки о том, что я творю: ибо вот, я творю Иерусалим веселием и народ его радостью» (Исайя. 65, 17—19).

Симптоматично — и это подчеркивается исследователем, — что миссионерское сознание Колумба определялось не только ветхо- и новозаветным провиденциализмом, но и античным. В частности, для адмирала был исключительно значим один небезызвестный фрагмент из «Медей» Сенеки: «Придут годы века к концу, когда океан снимет цепь и Тетис откроет удивительный мир, и будет достигнута новая твердь, и не станет Туле последней землею»¹.

Однако, при всей значимости отмечаемых историком сторон ментального склада Колумба, он не может быть сведен только к иррационализму. В личности великого мореплавателя соединились стихия иррациональных настроений, питаемых старой и новой мистикой, оккультными знаниями, астрологией, и неизбывный рационализм, отличающий осознавшего свое достоинство человека Ренессанса, достигшего всего своими индивидуальными усилиями и как бы сотворившего себя самого. В нем причудливо переплетались характерные для средневековой веры в божественный промысел, в чудесные предзнаменования, видения и голоса, указывавшие путь, которым следовало идти, и присущее человеку нового времени полагание на строгий арифметический расчет, на техническую оснащенность своего предприятия. Его отличали неистовая религиозность, осознание своей предызбранности, своего миссионерского призвания, и одновременно редкостный прагматизм, корыстный интерес, заурядная жажда золота и власти.

В этой связи примечателен тот выбор способов исчисления вероятного конца света, который был сделан адмиралом, и смысл которого оказался непроявленным для исследователя. Колумб, прибегая к

¹ Ср.: Сенека. Медей // Трагедии / Пер. с лат. С. Ошерова. М., 1986. С. 375—379: «Пролетят века, и наступит срок, Когда мира предел разомкнет океан, Широко простор распахнется земной, И Тефия нам явит новый свет, И не Фула тогда будет краем земли».

различным методикам от Августина до Пия II, упорно избегал самой распространенной системы хронологии, предполагавшей сотворение мира за 5508 лет до Рождества Христова; по ней 1492 год — год открытия Америки — приходился как раз на последний, согласно апокалиптическим истолкованиям, год существования мира. Разум великого навигатора как бы стремился опровергнуть мистику Апокалипсиса и успокоить смутенный дух напоминанием о том, что до Страшного Суда еще более двух веков.

Сама личная сигнатура Колумба — главный объект исследования — несет на себе печать иррациональных наклонностей и вполне рационального, болезненно эгоцентрического самоощущения ее владельца. Она состояла из двух элементов: криптограммы из семи букв и фирмы. Первый элемент оставался неизменным, второй же представлен в трех вариантах: «El Almirante», «Virey», «Christo Fer». Подпись «El Almirante», напоминавшая о витиеватом-барочном титуле «адмирала моря-океана» с фантастической властью от берегов Испании до Китая, как и подпись «Virey» — «вице-король Индий», возникшая из подражания фирме королевской четы — Фердинанда и Изабеллы, являются наиболее сильным проявлением ничем не утолимого честолюбия Колумба, его чрезмерной амбициозности. Не случайно за ним в Новом Свете закрепилось прозвище «Фараон». С другой стороны, подпись «Christo Ferens», т. е. «Несущий Христа», отражает неподдельную мистическую ориентированность адмирала, особенно усилившуюся в ходе третьего и четвертого плаваний, после тяжелых испытаний тюрьмой и цепями, повлекшую за собой отказ от внешних атрибутов власти.

Семизначная криптограмма являет собой редкий образец трансцендентной многосмысленности и драматического до конфликтности индивидуализма. Имея

вид — SAS, она истолковывалась то как ХМУ

символическая печать ордена Розенкрейцеров, то как эмблема Великого магистра тамплиеров, то как идиограмма Иерусалимского храма на трех колоннах с тимпаном, который Колумб мечтал вернуть христианам, то как магическое или демонологическое заклинание евреев. Одновременно, на это справедливо ука-

зывает историк, надпись могла восприниматься как напоминание о майоратной традиции, т. е. о передаче по наследству титулов, званий и доходов от отца к старшему сыну и от него по нисходящей и восходящей линиям. Именно поэтому описание криптограммы содержится в завещании Колумба: «Передаю моему сыну, дону Диего, и всем тем, кто является моими наследниками ... мои гербы, которые я оставляю после смерти, и повелеваю не признавать никаких других, кроме них, и мой сын, дон Диего, или кто-либо другой, кто наследует по старшинству, будет использовать их в качестве печати и будет подписываться моим знаком фирмы, обычно используемым, который составляют «Х» с «S.» над ней, «М» с римской «А» над ней и «S.» над этой последней, и после «У» греческая с «S.» над ней, с линиями и запятыми, как я делаю и как то видно из моего знака фирмы...» (р. 32).

Трижды повторенное «S» при традиционном прочтении оказывалось символом Троицы, той самой, которая, по признанию Колумба, наставила его и дала полное знание пути «из Испании в Индии, переплыв океан на Запад» (р. 89). При более глубоком эзегетическом усилении тройное «S» оказывалось *signa labellionis*, символической переработкой слова его или фамилии. Как известно, Sanctus Spiritus изображался в средневековой иконографии в виде голубя, давая таким образом еще одно скрытое указание на носителя имени — Колумб. Святой Дух выступал универсальной связью Бога-отца, обозначенного в криптограмме «А» — Altissimus, Бога-сына, имя которого передано инициалами «ХУ», и девы Марии («М»). Здесь, как мне кажется, проступает потаенное, болезненно переживаемое и тщательно скрываемое Колумбом ощущение исключительности своего «Я», оказавшегося как бы в центре действия божественных сил накануне событий вселенского масштаба, в центре мистических связей. Святой Дух — Голубь — предвестник рождения Христа в евангельской истории. Святой Дух — Колумб — пророк его второго пришествия в человеческой истории конца XV в.

Видения, голоса Бога-отца, Христа и Марии постоянно сопровождали и поддерживали Колумба во время плавания. Как он сам писал: «Меня поддерживала только надежда на того, кто сотворил все

и чья помощь часто подымала меня. Иной раз, видя меня впадшим в отчаяние, Он ободрял меня, поддерживая под правое плечо и говоря мне: „О, человек маловерный! Подымись, не бойся: ибо есть Я!“» В другой раз, застав адмирала в сильнейшей протрации, Господь утешил и ободрил: «Возвысья сердцем, не падай духом и не бойся: Я позабочусь обо всем!» (р. 91). Содержание самих этих видений и голосов, думается, могло бы стать отдельным сюжетом исследовательского поиска. Кажется, они, прояви к ним интерес инквизиция, могли бы дать повод для обвинения Колумба в ереси.

Сила индивидуальности открывателя Индий ощущается даже в последовательности имен Бога-сына: не «УХ» — *Yesus Kristus*, что отвечало более строгим правилам, культивировавшимся клиром и миссионерским монашеством, но «ХУ» —

Kristus Yesus, что порой допускалось в сфере сеньориальной власти и, может быть, в военно-рыцарской среде, отражая идею служения Христу как «Небесному сюзерену». Впрочем, более существенным, возможно было то, что начальное «Х» одновременно выступало инициалом личного имени Колумба, вновь заставляя обращаться к его «Я».

Заключая свои, увы ограниченные, усилия в стремлении представить все достоинство новой монографии Джео Пистарино о Колумбе, приходится признать, что сделать это удалось только в некоторых общих чертах. Остается надеяться, что и тем немногим, но полагаю, самым существенным исследование итальянского историка способно вызвать интерес.

Еманов А. Г.

Freedman Paul.

THE ORIGINS OF PEASANT SERVITUDE IN MEDIEVAL CATALONIA
Cambridge; N. Y. etc.: Cambridge University press, 1991. 263 p.

Фридман Пол

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КРЕПОСТНИЧЕСТВА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КАТАЛОНИИ.
Кембридж; Нью-Йорк и др.: Изд-во Кембридж. ун-та. 1991. 263 с.

Новая монография П. Фридмана, известного американского медиевиста и профессора Вандербилтского университета (Нэшвилл, штат Теннесси), несмотря на сравнительно небольшой объем, представляет собой фундаментальное исследование одной из ключевых проблем истории Испании. Монография подводит итог многолетним изысканиям ученого в области средневековой каталонской истории, начатым в 70-е гг. в Университете Беркли под руководством Т. Биссона, и одновременно свидетельствует о постепенном смещении интересов автора в сторону социокультурной тематики. П. Фридман прослеживает основные веки истории крестьянской зависимости в Каталонии с IX по XV в., уделяя преимущественное внимание периоду с 1000 по 1300 г. Исследование построено на типологически разнообразных источниках, в первую очередь архивных материалах провинциальных архивов Испании и Франции, памятниках законодательства и ученой юридической культуры.

Автор изучает самые различные аспекты проблемы каталонского крепостниче-

ства: природно-географические и внешнеполитические условия складывания крестьянской зависимости, соотношение экономических и демографических факторов, влияние юридической мысли на оформление правового статуса каталонского крестьянства, эволюцию его материального и социального положения, наконец состояние умов накануне крестьянской войны 1462—1486 гг., ее основные события и политико-правовые итоги.

Разделяя общепринятый в историографии вывод о принципиальной роли Реконксты в формировании определяющих черт социального и экономического облика каталонского крестьянства, автор вместе с тем предостерегает от недооценки влияния исторического наследия предшествующего периода. Известное значение он придает и такому постоянно действующему фактору как соседство с арабским миром, для которого характерен совершенно другой, нежели в христианской Европе, социально-правовой статус трудящегося сельского населения. По мнению автора, вотчинный строй позднеантичного типа, с одной стороны, и свойственная мусульманскому Востоку личная